



DOI: 10.25178/nit.2022.3.10

Статья

## Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва

**Анна Д.-Б. Самба**

*Институт социологии ФНИСЦ РАН; Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, Российская Федерация*



*В статье рассматривается история формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва, начиная со второй половины XIX в. и до сегодняшнего дня. В этом процессе выделены четыре этапа, каждый из которых рассмотрен с точки зрения особенностей социально-профессиональной структуры населения. Для анализа 1–3 этапов использовались результаты исследований, опубликованных в научных трудах разных лет. Для характеристики современной ситуации автор опирается на результаты социологических исследований в Республике Тыва. Они были проведены с её участием под руководством З. Т. Голенковой в составе исследовательского коллектива Института социологии ФНИСЦ РАН в 2019 и 2021 гг. (в 2019 г. объем выборки составил 2860 чел., в 2021 г. — 1536 чел.).*

*На первом этапе развития общества, со второй половины XIX в. до конца 1920-х гг., в обществе выделялись три социальных слоя: высший социальный слой (князья и пр.), средний социальный слой (чиновники и самостоятельные араты); низший социальный слой (постоянно зависимые араты и бедные). С 1921-х гг. до 1940-е гг. появились зачатки социально-профессионального деления. С 1944-х гг. по 1990-х гг. структура общества уже усложняется, внутри социальных слоев появляются свои деления, выделяются группы. Также наблюдается уменьшение числа людей, занятых традиционными видами хозяйствования. С 1990-х гг. социально-профессиональная структура заметно усложнилась и дифференцировалась.*

**Ключевые слова:** социальная структура; социально-профессиональная структура; социальный процесс; тувинское общество; род занятий; профессиональная группа; социальная стратификация; социальный слой; Тува; тувинцы

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44011 Монг\_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации».*



**Для цитирования:**

Самба А. Д.-Б. Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 135-149. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

**Самба Анна Демир-Баадыровна** — младший научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Медико-социальных Проблем и Управления Республики Тыва. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского д. 24/35, к. 5; 667003, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 2 а. Тел.: Тел.: +7 (499) 128-91-89, +7 (995) 550-56-56; +7 (39422)2-41-38, +7 (995)-550-56-56. E-mail: [sundui2012@yandex.ru](mailto:sundui2012@yandex.ru)

**SAMBA, Anna Demir-Baadyrovna**, Junior Researcher, Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva. Postal address: Bldg. 5, 24/35 Krzhizhanovskii St., 117218 Moscow, Russian Federation; 2a Kechil-ool St., 667003 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 128-91-89, +7 (995) 550-56-56; +7 (39422) 2-41-38, +7 (995) 550-56-56. E-mail: [sundui2012@yandex.ru](mailto:sundui2012@yandex.ru)

ORCID ID: 0000-0001-6525-2442



Article

## Retrospective analysis of the development of the social and professional structure of the population in the Republic of Tuva

**Anna D.-B. Samba**

*Institute of Sociology, FCTAS, RAS; Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article examines the history of the formation of the social and professional structure in the population of the Republic of Tuva, starting from the second half of the 19th century and until today. There are four stages in this process, each of which is considered in terms of the features of the social and professional structure of the population. Results of research published in academic papers of different years were used for the analysis of stages 1–3. In order to characterize the current situation, the author relies on the results of sociological studies in the Republic of Tuva. She took part in these studies as a member of the research team under the guidance of Z. T. Golenkova at the Institute of Sociology, FCTAS, RAS in 2019 and 2021 (in 2019, the sample size was 2,860 people; in 2021 — 1,536 people).

At the first stage of social development, from the second half of the 19th c. to the late 1920s, three social strata were distinguished in society: the upper social class (princes, etc.), the middle social class (officials and independent arats); the lower social class (constantly dependent arats and the poor). From 1921 to the 1940s, the beginnings of a social and professional division appeared. From 1944 to the 1990s, the structure of society was already becoming more complicated, divisions were appearing within social strata, and groups were being distinguished. There was also a decrease in the number of people engaged in traditional forms of economy. Since the 1990s, the social and professional structure has become noticeably more complicated and differentiated.

**Keywords:** social structure; social and professional structure; social process; Tuvan society; occupation; professional group; social stratification; social stratum; Tuva; Tuvans

---

The study was performed with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Education, Culture, Science and Sports of Mongolia within the framework of the research project No. 20-511-44011 Mong\_a “Informal Employment in Russia and Mongolia in the Context of Globalization”.

---



**For citation:**

Samba A. D.-B. Retrospektivnyi analiz formirovaniia sotsial'no-professional'noi struktury naseleniia Respubliki Tyva [Retrospective analysis of the development of the social and professional structure of the population in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 135-149 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

---

### Введение

Социально-профессиональной структуре современного тувинского общества присущи дезинтеграционные процессы, которые обусловлены разными темпами социальных изменений в российском обществе в целом и их региональной спецификой — в частности. Изучение этих изменений, произошедших как в масштабах страны, так и в отдельных ее регионах, имеет принципиальное значение для понимания современных процессов в Туве. Однако картина произошедших изменений не может быть описана без учета исторического контекста.

Социальные изменения в Туве в период XX–XXI вв. протекали ускоренными темпами, когда традиционный образ жизни с кочевого сменился на оседлый, появились и активизировались процессы урбанизации, стремительно развивались новые отрасли экономики. Высокие темпы экономических изменений наложили отпечаток на формирование социально-профессиональной структуры общества, что, несомненно, представляет научный и практический интерес.



На наш взгляд, в тувинском обществе в период российской модернизации произошла адаптивная реорганизация (Шкаратан, 2012), т. е. общество стало приспосабливаться к новым условиям, не меняя свои социокультурные аспекты.

Социально-профессиональная структура трактуется З. Т. Голенковой как многомерное, иерархическое пространство, в котором профессиональные группы различаются между собой по характеру труда, по степени квалификации, образования, обладанию собственностью, властными полномочиями (Голенкова, 2008: 82). Также социально-профессиональная структура определяется как одна из подсистем социальной структуры<sup>1</sup>. Поскольку формирование социально-профессиональной структуры отражает протекающие в обществе социальные процессы, важно учитывать историческую специфику развития Республики Тыва, преобладавших в ней социально-трудовых отношений, системы властных институтов и пр.

Целью статьи является ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Тувы. Для анализа автор придерживался исторического и стратификационного подходов. Это также потребовало и составления исторической периодизации, в качестве критерия которой выступили качественно разные исторические этапы развития общества Тувы. В каждом этапе рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование социально-профессиональной структуры в социальном процессе. В нашем случае род занятия и профессии в социально-профессиональной структуре Тувы является как взаимодополняемые аспекты в социально-трудовом пространстве Тувы.

Периодизация выстроена нами по четырем этапам: *первый этап* — со второй половины XIX в. до второго десятилетия XX в. (в условиях господства империи Цин и до образования Тувинской Народной Республики), *второй этап* — с 1921 г. по 1944 гг. (Тувинская Народная Республика, досоветский период), *третий этап* — с 1944 г. по 1990-х гг. (советский период), *четвертый этап* — с начала 1990-х гг. по настоящее время (Республики Тыва на современном этапе). Каждый из этапов нашел свое отражение в научной литературе. Авторы — историки, этнографы, социологи, демографы и пр. — исследовали отдельные аспекты и общие проблемы. Однако, несмотря на большое число трудов, проблема формирования особенностей социально-профессиональной структуры в динамике не исследовалась, что и определило новизну данной работы.

При этом источниковой базой для нашего обобщенного анализа выступили труды наших предшественников, которые содержат как результаты исследований, так и важные заключения. Для характеристики современной ситуации автор опирается на результаты социологических исследований в Республике Тыва, выполненных с его участием под руководством З. Т. Голенковой в составе исследовательского коллектива Института социологии ФНИСЦ РАН в 2019 и 2021 гг. (в 2019 г. объем выборки составил 2860 чел., в 2021 г. — 1536 чел.).

### ***Первый этап (вторая половина XIX в. — второе десятилетие XX в.)***

В изучаемый период тувинское традиционное общество отличалось следующими чертами: иерархичность (каждый социальный слой занимал определенное положение, соответствующее его статусу), замкнутость и, как следствие, низкий уровень социальной мобильности. Эти характеристики были достаточно подробно изучены С. С. Ховалыг (Ховалыг, 2010, 2016, 2017).

Например, основу введенного маньчжурами социального устройства тувинцев составила территориальная организация. Территория Тану-Тувы была разделена на военизированные административно-территориальные единицы (районы — хошууны<sup>2</sup>, села — сумоны<sup>3</sup> и десятники — арбаны<sup>4</sup>). Был введен институт «Бугдийн-дарга» — централизованное управление, объединившее несколько ту-

<sup>1</sup> Социологическая энциклопедия: в 2 т. / рук. Г. Ю. Семигин; глав. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 466.

<sup>2</sup> Хошуун (монг. *хошуун*; маньчж. *ци*) — крупная военно-административная единица, введенная в 1759 г. Маньчжурской администрацией для управления тувинским народом путем реорганизации княжеских (зайсанских) уделов. Один хошун состоял из 4–5 (иногда больше) сумонов. В современном тувинском языке слово *кожуун* по-прежнему используется для обозначения административно-территориального подразделения, соответствующего району.

<sup>3</sup> Арбан (монг. *арбан*) — десяток, мелкая единица военно-административного деления.

<sup>4</sup> От слов амбань (маньчж. *амбань*; монг. *сайд*) и нойон (монг. *ногойн*) — титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности.



винских районов (хошунов) и находившееся в подчинении улясутайского цзянцзюня (Ховалыг, 2016). Каждый рядовой житель Тувы был закреплен за своим районом и не имел права его покидать (Ховалыг, 2017).

В условиях административного подчинения маньчжурской династии Цин формировалась новая социальная структура тувинского общества, был задан тренд на социальный статус и власть, аккумулированную у руководства в центральном управлении. Далее на основе критериев статуса и наличия/отсутствия власти формируется социальная структура, в которой выделились несколько социальных слоев: привилегированные социальные слои, середняки и бедные.

Высшую ступень в социальной иерархии традиционного тувинского общества с середины XVIII-го до начала XX вв. занимала маньчжурская знать во главе с императором (Ховалыг, 2016). Маньчжурский император являлся номинальным собственником всех земель Тувы, на его имя поступал ежегодно налог (*албан*), взимаемый с каждого района (*хошун*) и лично доставляемый амбын-нойоном<sup>1</sup> в центральное управление — Улясутай. За маньчжурской знатью и амбын-нойоном следовали монгольские князья и управители. Монгольским князьям принадлежали несколько тувинских хошунов, управлявшихся их представителями, именуемыми *дарга*<sup>2</sup>. В эпоху маньчжурского господства княжеское сословие пополнилось новой социальной группой, включавшей табунов. К табунам (также называвшимся *эфу*) относились императорские зятья — монгольские князья, женившиеся на маньчжурских принцессах, освобожденные от всех налогов и воинской повинности и имевшие преимущественное право на занятие государственных должностей (Майский, 1921: 241). Они выполняли административные функции, собирали подати в пользу своих князей и контролировали деятельность управителей сел из числа тувинцев. Монгольские князья как социальная опора маньчжуров имели наибольшие права и привилегии. Постепенно для монгольских и тувинских князей чин и звание стали столь же важны, как и знатное происхождение.

Следующую ступень в социальной иерархии тувинского общества занимали тувинские князья. В. И. Дулов считал, что княжеское сословие в тувинском обществе было основано на институте зайсанства (родовой аристократии) (Дулов, 1956: 212). Например, как указывал В. В. Радлов, зайсаны являлись древними княжескими и дворянскими родами с правом реально существующего наследования, сформировавшемся еще в XVII веке (Радлов, 1989: 174). В социальный слой тувинской аристократии вошли не только бывшие зайсаны<sup>3</sup>, получившие новые титулы и должности — верховный правитель (*бугуде-дарга*, *амбын-нойон*, *угерда*<sup>4</sup>), но и тувинские духовенство. Высшим должностным лицом был камбы-лама, выполнявший функции настоятеля монастыря (Монгуш, 2001: 70). Прежние владельцы родов, поступившие на службу к маньчжурам, так же, как и монгольские князья, удостоивались новых титулов, званий и чинов и укрепляли свое социальное положение. Вместе с должностью и титулом тувинские князья становились обладателями всех прав и привилегий, которые были у южных соседей.

К среднему социальному слою традиционного тувинского общества относились чиновники и самостоятельные араты. Например, чиновники, занимавшие такие должности в администрации района (хошуна): управитель канцелярии *чагырыкчы*; начальник сумона *чангы*, глава арбана *арбан-дарга* (руководитель десятичника); чиновник по особым делам *чалан*, помощник *чангы-хунду*, главный сборщик налогов *бошка*, секретарь *бижээчи* (Ховалыг, 2016:15). В данный период все чиновники назначались лично правителем княжества *угерда*, кандидатуры выбирались с учетом родословной, личных качеств. Во вторую входили относительно самостоятельные араты-животноводы, имевшие свое хозяйство.

<sup>1</sup> От слов амбань (манчж. *амбань*; монг. *сайд*) и нойон (монг. *ногойн*) — титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности.

<sup>2</sup> Староста, начальник. В Туве в период середины XVIII–XX вв. так называли не только начальников хошунов, но и мелких чиновников, управлявших арбанами (*арбан-дарга*). Сейчас используется для обозначения человека, занимающего руководящую должность.

<sup>3</sup> Зайсан (кит. *Цзай-сян*) — первоначальное употребление этого титула наравне с титулами тайби, тайши восходит ко времени Юаньской династии в истории монголов (XIII–XIV вв.) Это правители аймаков; начиная со второй половины XV в. они представляли институт родовых начальников.

<sup>4</sup> Угерда (а также *огурта*, *огурда*, *ухерида*, *ухэр-да*, у Г. Н. Потанина *ухырда*, см. Потанин, 1883: 664) — правитель, пользовавшийся правами дзасаков (монг. *Засаг*, букв. Правитель княжества, не удостоившийся княжеской степени, но пользовавшийся всей полнотой власти в подведомственной ему территории); однако должность считалась не наследственной, а выборной, с последующим утверждением цзянцзюнем. В Туве же сложился местнический порядок замещения должности правителя хошуна.



Они были основными плательщиками налога (албана и ундуруга). В их составе выделялись подгруппы согласно имущественному положению. Основопологающим фактором в определении социального статуса «аратов» являлось количество крупного и мелкого скота. То есть потеря значительного количества скота являлась причиной изменения занимаемого кочевником положения (Дулов, 1956: 212). Они несли все основные повинности и были привязаны к земле, на которой пасли свой скот, и не имели права покидать пределы своего хошуна (района) по своему желанию. Они были самой эксплуатируемой частью общества того времени.

К низшему социальному слою относились постоянно зависимые араты и бедные араты (Аранчын, 1982: 30–31). Постоянно зависимые араты, батраки (*эшитенчи, холечик, чалча*) — это группа людей, трудившихся на разных работах у зажиточных тувинцев независимо от того, имели они свои юрты или нет. И, бедные араты, это группа людей, по той или иной причине оставшиеся без работы. В первом десятилетии XX в. их число достигало приблизительно 3000 человек (там же: 30).

Итак, социальная структура традиционного тувинского общества с конца XIX в. формировалась по принципу территориальной организации, при этом сохраняя патриархальный уклад жизни. Каждый социальный слой имел свой статус, права и обязанности. Ученые подчеркивают значительную имущественную дифференциацию в конце XIX — первом десятилетии XX в., явившуюся следствием экстенсивного кочевого скотоводства, когда благополучие семьи всецело зависело от природных условий, и усугублявшуюся тяжелыми последствиями маньчжурского господства.

В тувинской экономике с помощью переселенцев развивались такие отрасли как торговля, золотодобывающая промышленность, промысловая деятельность, земледелие. В процессе совместной трудовой жизни русских и тувинцев развивались новые социальные взаимовыгодные отношения, способствовавшие росту культуры населения Тувы.

В этот период один *сумон* (село) состоял из числа представителей одной родовой принадлежности. Примерный средний состав в одном хозяйстве насчитывал от 4 до 5 человек. Данные родовые сообщества являлись основой большого тувинского традиционного общества. Их традиционный уклад, быт, культура в дальнейшем отмечаются как специфический социальный фактор, повлиявший на дальнейшее социально-профессиональное развитие.

Н. А. Сердобов отмечает, что тувинское население во второй половине XIX — начале XX вв. было распределено по территориальному признаку родовой принадлежности (родственник *төрөл* по сумонам, по хошуунам) и сконцентрировано в сельской местности (Сердобов, 1971: 178).

Получение в 1914 г. Урянхайским краем протектората Российской империи стало одним из факторов, повлиявших на трансформацию тувинского традиционного общества. Тувинцы просили сохранить «установленные с давних времен порядки управления и обычаев»<sup>1</sup>, а также право распространения «желтой религии» — буддизма — на своей территории<sup>2</sup>.

Так, подчеркнем, что социальная структура тувинского общества содержала типичные для любого традиционного общества слои: высший (внешний и внутренний), средний и низший слои. Внешние политические и социальные факторы повлияли на формирование социального слоя чиновничества — социальной группы, занимавшей специфический социальный статус, который регламентировался одновременно уложением китайской палаты (внешних) сношений и внутренними местными обычаями и традициями. Некоторые социальные статусы передавались по наследству. Особенностью социального статуса в социальном слое тувинского чиновничества, которое сформировалось в сложных условиях подчиненного положения Цинской империи, является то, что оно состояло из представителей линий родовых правителей (зайсанов), сохранившихся до начала XX в. (Позднев, 1883: 321). Благодаря этому чиновник выполнял медиаторскую функцию, обеспечивая диалог между традиционным тувинским обществом и внутренней и внешней властью.

<sup>1</sup> Установление покровительства России над Тувой в 1914 году: сб. документов. К 80-летию объявления протектората / сост. В. А. Дубровский, ред. М. Б.-Х. Кенин-Лопсан. Кызыл: б. и., 1994. С. 16.

<sup>2</sup> Там же.



### **Второй этап (1921–1940-е гг.)**

Данный анализируемый период короткий, но, мы считаем, важно отметить происшедшие исторические аспекты по формированию тувинского общества в условиях создания самостоятельной государственности.

Как отмечает Ч. К. Ламажаа, на этом этапе тувинское общество переживало реформирование, осуществлявшееся силами наиболее активной части общества (Ламажаа, 2013: 132). В период своего самостоятельного государственного существования Тува, переживая социальные изменения, сумела избежать болезненных процессов, обычно сопровождающих социальную трансформацию. В треугольнике «архаика, традиции и инновации» доминирующее положение стали занимать инновации, причем преимущественное развитие получали те из них, что не противоречили традициям.

Появились небольшие предприятия, государственная и кооперативная торговля, банк, госхозы и первые производственные объединения крестьян. Поначалу были сохранены мелкотоварный, патриархальный (экстенсивный), феодальный и капиталистический (крупные собственники скота и других средств производства) уклады (Ламажаа, 2011: 181). Беднейшие слои общества — батраки, рабочие приисков (определенные как сельский пролетариат), а также араты стали признаны теми, кто должен управлять обществом.

Но на VIII съезде Тувинской народно-революционной партии была провозглашена первая попытка изменения традиций кочевого хозяйства тувинцев. Начали создаваться ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли. В 1931 г. проведена конфискация скота и имущества феодалов. По оценке советских ученых, уже в начале 1930-х гг. был «ликвидирован феодальный уклад; полностью был вытеснен торгово-ростовщический иностранный капитал» (Экономика Тувинской ... , 1973: 123).

Коллективизация проходила в условиях сохранения кочевого уклада жизни аратов. Но далее на уровне управленческих институтов было определено, что кочевой быт «не способствует повышению благосостояния трудящихся, а, следовательно, препятствует действию основного экономического закона социализма» (Копеев, 1984: 52). Социальное самочувствие населения тувинского традиционного общества в данный анализируемый период не исследовалось, однако можно предположить, что навязывание оседлого образа жизни, противореча традиционному образу жизни тувинцев, вызвало определенное отторжение. Так, например, широко распространенной практикой стало «отселение» мужчин от семьи на кочевья при видимой оседлости остальной части семьи, привязанной к определенному месту жительства. Согласно переписи 1931 г. подавляющее большинство населения Тувы (82,2%) все еще было занято кочевым хозяйством (Национальный архив Республики Тыва, ф. 101, оп. 1, д. 24, л. 1–3). Тем не менее, модернизационные процессы в социальной жизни населения Тувы продолжали происходить.

С 1930-х гг. в Туве стал разворачиваться процесс «силовой мобилизации», характеризующий первую волну трансформации тувинского общества. К руководству республикой в этот исторический момент пришли представители низших слоев. Так, в 1932 г. ЦК ТНРП возглавил представитель С. К. Тока. Он стал продвигаться по службе, получив образование в КУТВ, в дальнейшем С. К. Тока руководил республикой более 40 лет.

В самом тувинском обществе основной слой составляли араты. Большая часть населения Тувы (более 80%) была занята традиционным занятием, в 1944 г. около 20% аратских хозяйств избрали социалистический путь ведения хозяйства (Гребнев, Очур, 1971: 141). В анализируемый период ключевым социально-экономическим обоснованием изменения социальной сути аратско-крестьянства было преобразование единоличной частной собственности в колхозно-кооперативную (История Тувы, 2016: 387). Продолжались социальные процессы по формированию и становлению новых социальных слоев колхозного крестьянства, рабочих, служащих и др.

Выделение в особый статус русских переселенцев в статус Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК), которые оставались гражданами российского государства (Моллеров, 1989: 43), привело к тому, что население ТНР стало делиться на граждан двух государств — ТНР и СССР: тувинские граждане и советские граждане (табл. 1).



Таблица 1. Распределение населения Тувинской Народной Республики в 1939–1941 гг. по гражданству, чел.<sup>1</sup>  
 Table 1. Distribution of the population of the Tuvan People's Republic in 1939–1941 by nationality, number of people

	1939	1940	1941
Все население, человек	86693	90152	95009
Тувинские граждане	72499	74478	78102
Советские граждане	13575	14970	16847
Другие	619	704	60

Еще одной новацией для общества стало формирование интеллигенции — специалистов так называемого умственного труда (Харунов, 2009:14). Для молодой республики требовались учителя, счетоводы, бухгалтера, переводчики, регистраторы, сотрудники государственных органов и пр. Сама интеллигенция начала делиться на группы: управленческая, военная, педагогическая, медицинская, производственно-техническая, сельскохозяйственная, художественная (там же: 92–119).

За анализируемый период истории в Туве общество стало меняться, наметились основы социально-профессиональной структуры, хотя все же пока превалировала традиционная форма трудовой деятельности тувинцев. Элементы социально-профессиональной структуры явились не столько продуктом внутреннего развития, сколько следствием управления под внешним влиянием.

### Третий этап (1944-е — 1990-е гг.)

Важным подспорьем в анализе советского периода являются труды тувиноведов, которые в том числе рассматривали изменения тувинского общества, прежде всего — трансформацию по советскому образу: Р. М. Кабо (Кабо, 1934), В. И. Дулов (Дулов, 1956), В. М. Иезуитов (Иезуитов, 1956), Л. В. Гребнев (Гребнев, 1967), А. И. Николаева (Николаева, 1967), Н. А. Сердобов (Сердобов, 1971), Ю. Л. Аранчын (Аранчын, 1982) и др. Роль конкретных профессиональных групп в структуре населения Тувы раскрыта в работах В. И. Бойко (Бойко, 1981), Г. С. Сабирзянова (Сабирзянова, 1967), С. С. Сонома (Соном, 1967) и др. Труды советского времени несут на себе печать идеологических установок, тем не менее содержат ценную информацию, цифры, показатели. В последние годы советская история также стала анализироваться с иных позиций современными тувиноведами (Балакина, Анайбан, 1995; История Тувы, 2016; Харунова, 2011; и др.).

Важнейшим фактором дальнейших масштабных социальных изменений в Туве стало вхождение республики в 1944 г. в состав СССР. Это активизировало кооперирование аратских хозяйств и к 1954 г. 95,5% всех хозяйств вошли в состав коллективных (История Тувы, 1964: 271).

На 1 января 1945 г. социально-стратификационный состав общества имел следующее соотношение: колхозники — 20%; рабочие и служащие — 9%, прочие группы населения — 71% (История Тувы, 2016: 387).

В период с 1956 по 1959 гг. в составе сельского населения ненадолго вырос удельный вес прослойки колхозного крестьянства. А с 1961 г. в связи с преобразованием колхозов в совхозы он снова снизился за счет роста слоя сельских служащих и рабочих. К этому времени в селе сформировалась новая индустриальная прослойка — квалифицированные кадры механизаторов. Трактористы, комбайнеры, машинисты и шоферы в колхозах в тот период составляли около 10% общей численности трудоспособных колхозников, а в совхозах — более 20% среднесписочной численности рабочих<sup>2</sup>. В рассматриваемый период данный факт определяем как особенность в изменении социально-профессиональной структуре региона.

Отмечаемое в анализируемый период увеличение доли титульного населения во всех отраслях народного хозяйства свидетельствует как об активном участии коренного населения в развитии традиционной отрасли — животноводства, так и о сдвиге социально-стратификационной структуры

<sup>1</sup> Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тывы: стат. сборник / Тывастат. Кызыл, 2014. С. 41.

<sup>2</sup> Также: Краткий статистический сборник. Кызыл, 1957. С. 9.



тувинского общества, росте рабочего слоя за счет тувинского сельского населения, особенно в период с 1967 по 1989 г. — с 44,5 до 84,5% (Балакина, Анайбан, 1995: 46). В данный период титульное население приняло активное участие в формировании рабочего класса Тувы появились рабочие-тувинцы, занятые в сельском хозяйстве (История Тувы, 2016: 388).

Доля специалистов с высшим и средним специальным образованием постоянно росла. Например, по городской местности этот показатель увеличился в период с 1979 по 1989 г. на 40,9 %, а по сельской за тот же период — на 42,6%. Этот факт иллюстрирует стирание различий по уровню образования городского и сельского населения в целом по Туве<sup>1</sup>.

С 1944 — до конца 1980 г. существенные изменения произошли и в социально-профессиональной структуре населения. Структурно оно стало более сложным и дифференцированным, появились новые профессиональные группы (квалифицированные и высококвалифицированные слои). Динамика роста числа рабочих и служащих в Тувинской АССР была выше, чем в среднем по РСФСР. Все большее число титульного населения с каждым годом привлекалось к трудовой деятельности в экономике региона, В итоге к 1989 г. в общей численности населения Тувы доля титульного населения составила 66%<sup>2</sup>.

В этот период так же, как и во всех регионах страны, наблюдался рост городского населения за счет оттока сельского. В Туве отмечен относительно низкий (по сравнению со средним для Сибири) удельный вес городского населения почти за весь анализируемый период. Социологическое исследование В. И. Бойко позволило выявить в каких отраслях народного хозяйства преимущественно «оседали» трудовые ресурсы, переместившиеся из села в город. К примеру, по характеру труда в профессиональной группе преимущественно умственного труда большее количество занятых выделено было в здравоохранении 27,2%, просвещении и культуре — 63,7%, управленцы — 31,2%. Противоположно наименьшая доля занятых — в ЖКХ — 1,3%; промышленности — 1,3%, строительстве — 0,7%. А в профессиональной группе занятых преимущественно физическим трудом наибольшее количество занятых было в транспорте и связи 60,5%, промышленности — 49,2%; остальные работники физического труда, где большее количество занятых в строительстве — 63,5%, ЖКХ — 45,5%, так же не указана отрасль занятости — 92,0% (Бойко, 1982: 124).

В. И. Бойко пишет, что в социальной группе «остальные работники физического труда» безусловно есть виды занятий, требующие высокой квалификации. Возникает также трудности определения охотника квалификации высокой, а также градаций в традиционных видах занятий. Разделение на две группы работников физического труда в анализируемый период дает возможность рассмотреть процессы перехода коренного населения к нетрадиционному труду, связанному, в частности, с обслуживанием машин и механизмов (Бойко, 1982: 122–123). Отметим, что индивиды из группы традиционного рода занятия активно перешли к профессиональной форме занятия, как занятые физическим трудом или как неквалифицированные рабочие в социально-профессиональной структуре советского периода. Данное явление отметим, как социальный факт сосуществования малой части рода занятия и увеличение профессиональных групп в индустриальном обществе Тувы.

Вливаясь в трудовые ресурсы города, бывший житель села, зачастую не имеющий массовой профессии, выбирает место работы, не требующее высокой квалификации. Например, работники, вливаясь в развивающиеся сферы бытового обслуживания, торговли, коммунального хозяйства, рассматривали это как этап своей трудовой карьеры.

Выросшие запросы к рабочему месту, условиям труда и его содержанию являются показателем социальной зрелости индивида. В анализируемый период в социально-профессиональной структуре Тувинской АО РСФСР, затем — АССР были сформированы следующие профессиональные группы:

- группа А (работники умственного труда высокой квалификации) — 27,6%;
- группа Б (прочие работники умственного труда) — 11%;
- группа В (работники физического труда, связанного с работой на механизациях) — 19,4%;
- группа Г (работники физического труда) — 40,7% (диаграмма 1).

<sup>1</sup> Численность населения Тувинской АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Тувинское республиканское управление статистики. Кызыл, 1990. С. 72.

<sup>2</sup> Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тывы: Стат. Сборник / Тывастат. Кызыл, 2014. С. 41.



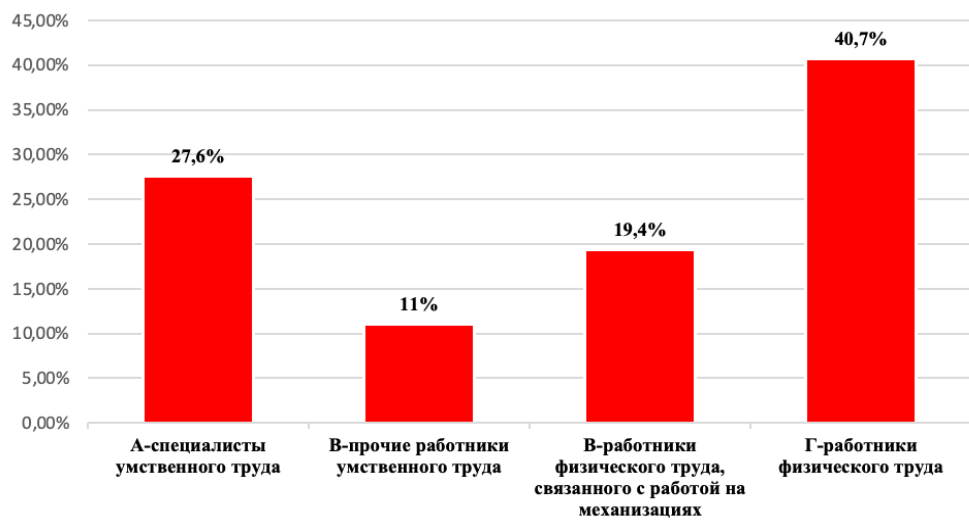


Диаграмма 1. Социально-профессиональная структура в Туве, в % (по характеру труда, профессиональному статусу респондентов)<sup>1</sup>.  
 Diagram 1. The social and professional structure in Tuva, in % (by occupation and professional status of the respondents)

Тем времени, как пишут И. И. Осинский и его коллеги (Осинский, Тензин, Добрынина, 2014: 41), с 1970 по 1989 гг. количество профессиональных групп из числа работников умственного труда в Туве возросло: научные работники, преподаватели, воспитатели — с 5362 до 11521 человек; работники планирования и учета — с 4832 до 7099 человек; инженерно-технические работники — с 4381 до 6682 человек.

При этом В. И. Бойко отмечал и растущее сближение социальных групп в Советской Туве, основным фактором чего выступал, по их мнению, научно-технический прогресс, определяющий необходимость интеллектуализации труда в производственной сфере. При этом выросла абсолютная и относительная численность работников умственного труда непосредственных производителей, требовавшая от рабочих растущего объема общих и специальных знаний. В составе рабочего класса появились новые профессиональные группы работников, труд которых сочетает в себе квалифицированный умственный труд с не менее квалифицированным физическим трудом. С одной стороны, в данный период произошла технизация умственного труда значительных групп интеллигенции и служащих. С другой, внедрение новой сложной техники повысило долю квалификации физического труда и в деятельности служащих (Бойко, 1982: 120–122).

За анализируемый период тувинское общество пережило бурное социально-экономическое развитие. Активное развитие народного хозяйства Тувы, повышавшее благосостояние населения, привело к его естественному росту с 1956 по 1989 гг. в 1,8 раза. В сложной, дифференцированной социально-профессиональной структуре республики такие критерии, как социальный статус, характер труда, образование и социальные условия жизни становятся классифицирующими. Отказ от кочевого уклада приводит многих самостоятельных аратов в коллективное хозяйствование. Тувинское общество переживает второй трансформационный период. С одной стороны, специфическим остается региональный фактор — очень большой размер домашнего хозяйства<sup>2</sup> и значительное уменьшение объема традиционных видов хозяйствования. С другой — создана основа для рождения новых социальных отношений. По характеру труда, профессиональному статусу социально-профессиональная структура общества состояла из двух слоев работников умственного и физического труда, куда входили четыре основные социальные группы (колхозного крестьянства, рабочих, служащих и других).

<sup>1</sup> Составлена на основе работы В. И. Бойко (Бойко, 1982: 122–123).

<sup>2</sup> Демографическая ситуация в Республике Тыва (результаты комплексного исследования по данным Госкомстата России 1989–1996 гг.). М.: НИИ семьи, 1996. С. 23.



### **Четвертый этап (начало 1990-х гг. — настоящее время)**

Анализу социальных процессов и явлений посвящены работы современных ученых-тувиноведов: З. В. Анайбан (Анайбан, 1999), Г. Ф. Балакиной (Балакина, Анайбан 1999), Г. С. Гончаровой (Гончарова, 2003), В. С. Донгак<sup>1</sup>, Г. В. Колмакова (Колмаков, 2000), З. Ю. Доржу, Н. М. Очур (Доржу, Очур, 2008), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2013), А. И. Сергеевой (Сергеева, 2003), М. М.-Б. Харуновой (Харунова, 2010), Р. Ш. Харунова (Харунов, 2009), И. И. Осинского (Осинский, Тензин, Добрынина, 2014), Ч. М.-Х. Тензин (Тензин, 2015) и мн. др. В них рассматриваются широкий спектр вопросов: социальная структура населения, профессиональные ориентации, ценностные ориентации, установки, поведение, социально-психологическое самочувствие населения, социально-экономическое положение в социальной структуре и пр.

В тувинском обществе, как и всем российском обществе, постепенно произошел и продолжает происходить переход от советской системы к новой рыночной экономике, что нашло отражение в социальной структуре. В республике, как и в целом по стране, становление рыночных отношений сопровождалось ростом безработицы. Особенно в сельской местности, где ограничен выбор рабочих мест. В 1990 г. в республике насчитывались не менее 10 тыс. человек трудоспособного населения, не занятого в общественном производстве<sup>2</sup>. На 1992 г. их количество составляло не многим более 8 тыс., причем 64% от этого числа были женщины<sup>3</sup>.

З. Т. Голенкова пишет, что трансформация российского общества не просто изменила его социальную структуру, но со всей остротой поставила перед традиционными общностями вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, системы ценностей (Голенкова, 2001: 90-103). Трансформация социального пространства региона, применение инновационного подхода к традиционным ценностям общества, мобилизация сознания, поведения не могут не затрагивать поведенческие установки населения. Одновременно с этим определенный ренессанс переживают архаические составляющие культуры тувинского общества (Анайбан, 1999; Хомушку, 1998; Абаев, 2015; Кужугет, 2006; Ламажаа, 2013). Ч. К. Ламажаа пишет, что архаизация общества представляет собой своего рода направленный процесс обращенности общества к прошлому культурному опыту, попытки вернуть старые архаические программы (ее элементы) в условиях кризиса реформирования, предполагающего введение новых программ (Ламажаа, 2013). Эта направленность обусловлена адаптивным свойством социума, действием одного из социальных механизмов, обеспечивающих его выживание и адаптацию к социально-трансформационным изменениям.

Постепенно наблюдается, что в социально-профессиональной структуре населения Тувы рамках трансформационных процессов изменилась численность занятого населения по отраслям экономики. К примеру, в 1990 г. наибольшая доля населения работала в отраслях сельского и лесного хозяйства (28,7 тыс. человек); образовании, культуре и искусстве (24,1 тыс. человек); в строительстве (18,6 тыс. человек); в промышленности (16,5 тыс. человек). Наименьшая доля занятых в отрасли финансы и страхование (1 тыс. чел.); в науке (2 тыс. чел.); органах управления (5,1 тыс. чел.). К 2020 г. количество занятого населения — 101 тыс. чел., в том числе самые крупные социальные слои считаются занятые в следующих отраслях экономики: образование — 25,6 тыс. чел.; органы управления — 15,2 тыс. чел.; здравоохранение — 12,2 тыс. чел.; торговля — 10,9 тыс. чел.; промышленность — 10 тыс. чел. Тем временем, наименьшая доля занятых в сельском хозяйстве — 6,7 тыс. ч. (2020 г.) против 28,7 тыс. чел. (1990 г.); строительстве — 4,6 тыс. ч.; науке — 1,7 тыс. ч.; ЖКХ — 2,9 тыс. ч.<sup>4</sup> Статистикой в отраслях экономики Тувы с 2017 г. наблюдается новая группа занятых — «Деятельность домашних хозяйств как работодателей: недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления» — 0,63 тыс. чел.<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Донгак В. С. Этническая идентичность тувинцев : автореф. дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2003. 25 с.

<sup>2</sup> Демографическая ситуация в Республике Тыва (результаты комплексного исследования по данным Госкомстата России 1989–1996 гг.). М.: НИИ семьи, 1996. С. 23.

<sup>3</sup> Информация отдела труда и занятости на 1 января 1995 г. Управления статистики Республики Тыва.

<sup>4</sup> Статистический ежегодник Республики Тыва (2021) С. 60 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Крассстат. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/45814> (дата обращения: 22.02.2022).

<sup>5</sup> Там же.



По результатам социологических исследований, которые проведены ИС ФНИСЦ РАН в 2019 и 2021 гг. (N=2860, 2019; N=1536, 2021), и в которых мы принимали непосредственное участие, подчеркнем, что в постсоветское время в республике наблюдается разнообразие профессионального состава занятого населения. Выявлены три больших социальных слоя, в том числе — работающие в учреждениях государственной или муниципальной службы (42,6%); работающие в коммерческих предприятиях по различным сферам деятельности (33,9%); работающие в учреждениях, связанных с воспитанием/обучением детей (23,5%). Среди профессиональных групп отмечаются четыре большие группы: неквалифицированные/квалифицированные рабочие (31,5%); специалисты в области педагогики (15,4%); государственные и муниципальные служащие (13,3%); другие профессиональные группы (39,8%). В последнюю группу входят зарегистрированные безработные (11%), незарегистрированные безработные (28,8%), которые имеют свои личные традиционные формы занятия (Голенкова, Голиусова, Самба, 2021: 167–183), однако у них отсутствует определенный юридический статус в государственной структуре. Этот факт отмечается нами как особенность социально-профессиональной стратификации населения Тувы.

Можем также отметить, что в Туве наблюдается дуальная (симбиозная) система социальных ценностей (Голенкова, Самба, 2021: 5–17). К примеру, когда самостоятельные араты, как «агенты» социокультурного кода тувинского традиционного общества, после распада 1990-х годов продолжают свою жизнедеятельность в форме фермерства, организации собственных животноводческих хозяйств.

### **Заключение**

Историческая ретроспектива позволяет увидеть существенные изменения социально-профессиональной структуры общества Тувы в течение почти полутора века.

На первом этапе развития общества, со второй половины XIX в. до конца 1920-х гг., сложно говорить в целом о социально-профессиональной структуре тувинского общества. Однако, в обществе выделялись три социальных слоя: высший социальный слой (княжеское сословие, крупное чиновничество, духовенство и черные богачи «кара-баев»); средний социальный слой (чиновники и самостоятельные араты); низший социальный слой (постоянно зависимые араты и бедные). С 1921-х гг. до 1940-е гг. появились зачатки социально-профессионального деления. С 1944-х гг. по 1990-х гг. структура общества уже усложняется, внутри социальных слоев появляются свои деления, выделяются группы. Также наблюдается уменьшение числа людей, занятых традиционными видами хозяйствования. С 1990-х гг. социально-профессиональная структура заметно усложнилась и дифференцировалась.

### *СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

- Абаев, Н. В. (2015) Архаические формы религии и тэнгрианство в этнокультурогенезе народов Внутренней Азии. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 248 с.
- Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 1990-е годы. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 336 с.
- Аранчын, Ю. А. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ие. 339 с.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 137 с.
- Бойко, В. И. (1982) Социологические характеристики городского населения Тувинской АССР (материалы социологического исследования). Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 224 с.
- Голенкова, З. Т. (2008) Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования. № 7(291). С. 75–84.
- Голенкова, З. Т., Самба, А. Д.-Б. (2020) Традиции и инновации в социальном пространстве региона // Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М.; Кызыл: ФНИСЦ РАН. 128 с. С. 17–23.
- Гончарова, Г. С. (2003) Ценности семейно-брачных отношений в современных условиях народов Тувы и Хакасии // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Издательство Новосибирского государственного университета. Вып. 5. 266 с. С. 58–69.



- Гребнев, Л. В. (1967) Формирование рабочего класса в Советской Туве // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 278 с. С. 69–86.
- Гребнев, Л. В., Очур, В. Ч. (1971) Рабочий класс Тувы. Кызыл : Тувкнигоиздат. 234 с.
- Доржу, З. Ю., Очур, Н. М. (2008) Общее образование в Республике Тыва в условиях трансформации общества: к историографии вопроса // Научные труды ТывГУ. Вып. 6. Т. 1. С. 26–30.
- Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы (XIX — нач. XX вв.). М. : Изд-во АН СССР. 608 с.
- Иезуитов, В. М. (1956) От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 208 с.
- История Тувы (1964) / отв. ред. Л. П. Потапов. М. : Наука. Т. 2. 455 с.
- История Тувы (2016): в 3 т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. 3. 451 с.
- Кабо, Р. М. (1934) Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. Л. : Гос. соц.- экон. изд-во. 202 с.
- Колмаков, Г. В. (2000) Уровень и качество жизни населения Республики Тыва (1991–2001 гг.) // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Вып. 3. С. 136–139.
- Копеев, В. А. (1984) О некоторых особенностях процесса кооперирования аратских хозяйств в Туве // Проблемы истории Тувы / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызыл : б. и. 283 с. С. 42–53.
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : Изд-во КемГУКИ. 319 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Либроком. 272 с.
- Майский, И. М. (1921) Современная Монголия. Иркутск : Гос. изд-во. 332 с.
- Моллеров, Н. М. (1989) Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике. Исторический очерк. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 143 с.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.
- Николаева А. И. (1967) Трудовые ресурсы Тувинской АССР и их использование // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 12. Кызыл : Тувинский научно-исследов. ин-т языка и литературы и истории. 280 с. С. 208–220.
- Осинский, И. И., Тензин, Ч. М.-Х., Добрынина, М. И. (2014) Динамика отраслевой и профессиональной структуры тувинской интеллигенции // Вестник Бурятского госуниверситета. №14 (2). С. 37–42.
- Позднеев, А. М. (1883) Монгольская летопись «Эрденийн Эрххе». [Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г.]. СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук. 321 с.
- Потанин, Г. Н. (1883) Очерки Северо-Западной Монголии. СПб. : Тип. В. Киршбаума. 372 с.
- Радлов, В. В. (1889) Из Сибири: страницы дневника : пер. с нем. М. : Наука. 749 с.
- Сабирзянов, Г. С. (1967) Партийное руководство народным образованием в Советской Туве (1944–1967). Кызыл : Тувкнигоиздат. 71 с.
- Сергеева, А. И. (2003) Социальная дифференциация тувинского общества в конце XIX — начале XX века // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. Вып. 4. 250 с. С. 151–154.
- Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 484 с.
- Сонам, С. С. (1967) Формирование кадров в тувинской интеллигенции // Слава Октябрю / отв. ред. О. А. Толгароол, Н. А. Сердобов. Кызыл : Тув. кн. изд-во. 207 с. С. 70–78.
- Тензин, Ч. М.-Х. (2015) Тувинская национальная интеллигенция в условиях трансформации российского общества // Новые исследования Тувы. № 2. С. 69–81.
- Харунов, Р. Ш. (2009) Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Абакан : Журналист. 144 с.
- Харунова, М. М.-Б. (2011) Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск : Наука. 139 с.
- Харунова, М. М.-Б. (2010) Проблемы возрождения национальной культуры в Туве в постсоветский период // Новые исследования Тувы. № 2. С. 62–70.
- Ховалыг, С. С. (2010) История чиновничества Танну-Тувы (середины XVIII — конца XIX вв.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 97–109.
- Ховалыг, С. С. (2016) Чиновничество Тувы в конце XVIII–XX вв.: проблемы формирования и функционирования аппарата // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 9. № 1(23). С. 19–27.



Ховалыг, С. С. (2017) Социальная организация традиционного тувинского общества середины XVIII — начала XX вв.: особенности формирования и трансформации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 10. № 1(29). С. 10–20.

Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : ИЭА РАН. 177 с.

Шкаратан, О. И. (2012) Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Высшая Школа Экономики (ВШЭ). 526 с.

Экономика Тувинской АССР (1973) / отв. ред. С. В. Клопов. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 378 с.

Дата поступления: 08.07.2022 г.

#### REFERENCES

Abaev, N. V. (2015) *Arkhaicheskie formy religii i tengrianstvo v etnokul'turogeneze narodov Vnutrennei Azii [Archaic forms of religion and Tengrianism in the ethnocultural genesis of the peoples of Inner Asia]*. Ulan-Ude, Buryat State University. 248 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (1999) *Mezhnatsional'nye otnosheniia v Tuve v 90-e gody (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniia) [Inter-ethnic relations in Tuva in the 90s (based on materials of ethno-sociological research)]*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 336 p. (In Russ.).

Aranchyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Contemporary Tuva: Socio-cultural and ethnic processes]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 137 p. (In Russ.).

Boiko, V. I. (1982) *Sotsiologicheskie kharakteristiki gorodskogo naseleniia Tuvinskoii ASSR (materialy sotsiologicheskogo issledovaniia) [Sociological characteristics of the urban population of the Tuvan ASSR (materials of a sociological study)]*. Novosibirsk, Nauka. 242 p. (In Russ.).

Golenkova, Z. T. and Ighitkhanian, E. D. (2008) Sotsial'naia struktura obshchestva: v poiske adekvatnykh otvetov [Social structure of the society: Looking for adequate answers]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7 (291), pp. 75–85. (In Russ.).

Golenkova, Z. T. and Samba, A. D.-B. (2020) Traditsii i innovatsii v sotsial'nom prostranstve regiona [Traditions and innovations in the social space of the region]. In: *Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva]* / Z. T. Golenkova et al. ; ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. Pp. 11–23. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Goncharova, G. S. (2003) Tsennosti semeino-brachnykh otnoshenii v sovremennykh usloviakh narodov Tuvy i Khakasii [Values of family and marriage relations in modern conditions of the peoples of Tuva and Khakassia]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk State University. Issue 5. 266 p. Pp. 58–69. (In Russ.).

Grebnev, L.V. (1967) Formirovanie rabocheho klassa v Tuve [The rise of the working class in Tuva]. *Uchenye zapiski TNIIaLI*, vol. XII. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 278 p. Pp. 69–86. (In Russ.).

Grebnev, L. V. and Ochur, V. Ch. (1971) *Rabochii klass Tuvy [Working class of Tuva]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 235 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Ochur, N. M. (2008) Obshchee obrazovanie v Respublike Tyva v usloviakh transformatsii obshchestva: k istoriografii voprosa [General education in the Republic of Tuva in the conditions of transformation of society: The historiography of the issue]. *Nauchnye trudy TyvGU*, issue 6, vol. 1, pp. 26–30. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v. [The socio-economic history of Tuva. 19th — early 20th c.]*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 608 p. (In Russ.).

Iezuitov, V.M. (1956) *Ot Tuvy feodal'noi k Tuve sotsialisticheskoi [From feudal Tuva to socialist Tuva]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 208 p. (In Russ.).

*Istoriia Tuvy [The history of Tuva]* (1964) : in 2 vols. Moscow, Nauka. Vol. 2 / ed. by S. K. Toka. 455 p. (In Russ.).

*Istoriia Tuvy [The history of Tuva]* (2016) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).

Kabo, R. (1934) *Ocherki istorii i ekonomiki Tuvy [Essays on the history and economy of Tuva]*. Moscow; Leningrad, State Socio-economic Publishing House. 203 p. (In Russ.).



Kolmakov, G. V. (2000) Uroven' i kachestvo zhizni naseleniia Respubliki Tyva (1991–2001 gg.) [The level and quality of life of the population of the Republic of Tuva (1991–2001)]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. Issue 3. Pp. 136–139. (In Russ.).

Kopeel, V. A. (1984) O nekotorykh osobennostiakh protsessa kooperirovaniia aratskikh khoziaistv v Tuve [On some features of the process of cooperation of arat farms in Tuva]. In: *Problemy istorii Tuvy [Problems of Tuvan history]* / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 283 p. Pp. 42–53. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ. 319 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Librokom. 272 p. (In Russ.).

Maiskii, I. M. (1921) *Sovremennaia Mongoliia [Contemporary Mongolia]*. Irkutsk, State Publishing House. 332 p. (In Russ.).

Mollerov, H. M. (1989) *Istoki bratstva. Russkaia samoupravliaiushchiasia trudovaia koloniia v Tuvinskoii Narodnoi Respublike (1922–1932) [The origins of the brotherhood. Russian self-governing labor colony in the Tuvan People's Republic (1922–1932)]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 143 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th c.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Nikolaeva, A. I. (1967) Trudovye resursy Tuvinskoii ASSR i ikh ispol'zovanie v narodnom khoziaistve [Labor resources of the Tuvan ASSR and their use in the national economy]. *Uchenye zapiski TNIIIaLI*. Issue XII. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 280 p. Pp. 208–220. (In Russ.).

Osinsky, I. I., Tenzin, Ch. M.-Kh. and Dobrynina, M. I. (2014) Dinamika otraslevoi i professional'noi struktury tuvinskoii intelligentsii [Dynamics of sectoral and occupational structure of the Tuvan intelligentsia]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14 (2), pp. 37–42. (In Russ.).

Pozdneev, A. M. (1883) *Mongol'skaia letopis' «Erdeniin Erikhe» (Podlinnyi tekst s perevodom i poiasneniiami, zakliuchaiushchimi v sebe materialy dlia istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.) [The Mongolian chronicle “Erdeniyin Erikhe” (Original text with translation and explanations containing materials for the history of Khalkha from 1636 to 1736)]*. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 321 p. (In Russ.).

Potantin, G. N. (1883) *Ocherki Severo-zapadnoi Mongolii: Rezul'taty putesthestviia, ispolnennogo v 1876–1877 g. po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom onogo G. N. Potaninym [Sketches of Northwestern Mongolia: Summarizing the results of the 1876–1877 trip commissioned by the Imperial Russian Geographical Society and undertaken by its employed associate G. N. Potanin]*. St. Petersburg, V. Bezobrazov & C°. Issue 3. X, 372 p. (In Russ.).

Radlov, V. V. (1989) *Iz Sibiri: stranitsy dnevnika [From Siberia: Diary pages]* / transl. from Germ. Moscow, Nauka. 749 p. (In Russ.).

Sabirzianov, G. S. (1967) *Partiinoe rukovodstvo narodnym obrazovaniem v Sovetskoii Tuve (1944–1967) [Party leadership of public education in Soviet Tuva (1944–1967)]*. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 71 p. (In Russ.).

Sergeeva, A. I. (2001) Sotsial'naia differentsiatsiia tuvinskogo obshchestva v kontse XIX — nachale XX veka [Social differentiation of Tuvan society in the late 19th — early 20th century]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Novosibirsk State University. Issue 4. 250 p. Pp. 151–154. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1971) *Istoriia formirovaniia tuvinskoii natsii [The history of the formation of the Tuvan nation]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 482 p. (In Russ.).

Sonam, S. S. (1967) Formirovanie kadrov v tuvinskoii intelligentsii [Formation of personnel among the Tuvan intelligentsia]. In: *Slava Oktiabriu [Glory to October]* / ed. by O. A. Tolgar-ool and N. A. Serdobov. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 207 p. Pp. 70–78. (In Russ.).

Tenzin, Ch. M.-Kh. (2015) Tuvinskaia natsional'naia intelligentsiia v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva [Tuvan national intelligentsia amidst the transformation of Russian society]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 69–81. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. (2009) *Formirovanie intelligentsii v Tuvinskoii Narodnoi Respublike (1921–1944) [The rise of the intelligentsia in the Tuvan People's Republic (1921–1944)]*. Abakan, OOO “Zhurnalist”. 144 p. (In Russ.).



Kharunova, M. M. (2011) *Sotsial'no-politicheskoe razvitie Tuvy v seredine XX veka [Sociopolitical development of Tuva in the mid-twentieth century]*. Novosibirsk, Nauka. 138 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. (2010) Problemy vozrozhdeniia natsional'noi kul'tury v Tuve v postsovetskii period [Problems of the revival of national culture in Tuva in the post-Soviet period]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 62–70. (In Russ.).

Khovalyg, S. S. (2010) Istoriiia chinovnichestva Tannu-Tuvy (seredina XVIII -- konets XIX v.) [History of officials in Tannu-Tuva (the mid-18th – late 19th c.)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 155–173. (In Russ.).

Khovalyg, S. S. (2016) Chinovnichestvo Tuvy v kontse XVIII–XX vv.: problemy formirovaniia i funktsionirovaniia apparata [The officialdom of Tuva at the end of the 18th – 20th centuries: Problems of formation and functioning of the apparatus]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniï RAN*, vol. 9, no. 1 (23), pp. 19–27. (In Russ.).

Khovalyg, S. S. (2017) Sotsial'naia organizatsiia traditsionnogo tuvinskogo obshchestva serediny XVIII – nachala XX v.: osobennosti formirovaniia i transformatsii [Social organization of the traditional Tuvan community in the mid-18th – early 20th c.: Peculiarities of formation and transformation]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniï RAN*, vol. 10, no. 1 (29), pp. 10–20. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvan culture]*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 177 p. (In Russ.).

Shkaratan, O. I. (2012) *Sotsiologiia neravenstva. Teoriia i real'nost' [Sociology of inequality. Theory and reality]*. Moscow, HSE University Publishing House. 526, [2] p. (In Russ.).

*Ekonomika Tuvinskoi ASSR [The economy of the Tuvan ASSR] (1973)* / ed. by S. V. Klopov. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 378 p. (In Russ.).

Submission date: 08.07.2022.